

«Он сделался жесток»: трансформация имиджа Германии и немцев в ходе Первой мировой войны

УДК 327

Ирина ЧИКАЛОВА,
доктор исторических наук,
профессор

Ирина ЧИКАЛОВА. «Он сделался жесток»: трансформация имиджа Германии и немцев в ходе Первой мировой войны. В статье показана трансформация имиджа Германии и немцев в России под влиянием событий, как тогда писали, Великой войны. Она произошла быстро, этому способствовали и действия самих германских властей, и факты неприемлемого обращения немцев с русскими подданными, оказавшимися на территории Германии к началу войны, попавшими в плен солдатами и офицерами, мирными жителями на оккупированной территории. В ходе войны образ немца эволюционировал радикально: от носителя высоких идеалов культуры – в наглого, проникшегося высокомерием, верою в немецкий гений и в звезду Германии. «Он сделался жесток», «возомнил себя царем мира», превратился в циничного «варвара XX века».

Ключевые слова: Первая мировая война, Германия, Россия, имагология, германофилия, германофобия.

Irina CHIKALOVA. "He became cruel": Germany and the Germans – the transformation of the image during the First World War. The article shows the transformation of the image of Germany and the Germans in Russia under the influence of the events, as they wrote, of the Great War. It happened quickly, and this was facilitated by the actions of the German authorities themselves, and the facts of the unacceptable treatment of the Germans with Russian subjects who were in Germany at the beginning of the war, captured soldiers and officers, and civilians in the occupied territory that were quickly becoming known. During the war, the image of the German evolved radically: from the bearer of high cultural ideals to arrogant, imbued with faith in the German genius and in the star of Germany, «he became cruel, «imagined himself the king of the world», turned into a cynical «barbarian of the twentieth century».

Keywords: The World War I, Germany, Russia, imagology, Germanophilia, Germanophobia.

1 августа 1914 года канцлер Т. фон Бетман-Гольвег телеграфировал германскому послу в Санкт-Петербурге – известите, что Германия считает себя в состоянии войны с Россией. В тот же день Ф. Пурталес вручил министру иностранных дел С.Д. Сазонову ноту об объявлении войны.

Вплоть до развязывания боевых действий в России были достаточно сильны германофильские настроения. Германию высоко ценили за высокий уровень науки и образования, доступного и для иностранцев, в том числе русских. Множество состоятельных людей предпочитало отдыхать на немецких курортах. В среде российских интеллектуалов образ немца ассоциировался с образом носителя высоких идеалов культуры. Симпатии к Германии подпитывали многовековые немецко-российские военные, экономические и культурные связи, а также наличие прочно обосновавшейся в России многочисленной немецкой диаспоры. Согласно официальным данным, «германцы»

[ОБ АВТОРЕ]

ЧИКАЛОВА Ирина Ромуальдовна.

Родилась в Минске, окончила Минский государственный педагогический институт имени Максима Горького (1983). С 1989 года работает в Белорусском государственном педагогическом университете имени Максима Танка преподавателем, старшим преподавателем (1992), доцентом (1993), профессором (2002).

Доктор исторических наук (2001), профессор (2006).

Автор 245 научных публикаций, в том числе монографий (четырёх личных и пяти – в соавторстве), четырёх учебных пособий, учебника для вузов.

Сфера научных интересов: Первая мировая война; историография Первой мировой войны, англоведение, американистика, изучение англосаксонского мира в России; интеллектуальная история, имагология.

(этим понятием статистика объединяла шведов и немцев) составляли в ней 1,6 % населения [1, с. 67]. Немцев, группировавшихся главным образом в Привислинском и Остзейском краях (в Российской империи общее название губерний Царства Польского и губерний прибалтийских – Лифляндской, Курляндской, Эстляндской), а также на юго-востоке страны, в указанной группе было большинство. К началу Первой мировой войны в России числилось 3504 торговых и промышленных предприятия, находившихся в руках немцев и австрийцев, немецкими из них были более 1100 с капиталом более 100 млн рублей [2, с. 38].

Выходцы из Германии дворянского происхождения во множестве принимались на государственную службу. Этническими немцами, уже родившимися в России и за поколения обрусевшими, были премьер-министры М.Х. Рейтерн, Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте, министры Г.П. Ольденбургский, А. Вюртембергский, К.Ф. Толь, Н.К. Шауфус, Э.Б. Кригер-Войновский, Б.Х. Миних, П.И. Меллер-Знакомельский, А.Ф. Редигер, А.В. Моллер, Ф.П. Врангель. III Отделением медал Л.В. Дубельт, позже – А.Р. фон Дрентельн. Число же генералов и чиновников с немецкими родовыми корнями было поистине неисчислимо. В российской армии в 1914 году доля генералов немецкого происхождения составляла более 20 %. В Императорской академии наук в 1914 году из 862 сотрудников 162, или 18,7 %, имели немецкие фамилии [3, с. 25–141].

Подчас складывались целые сообщества управленцев, которых объединяли национальные корни. А.А. Брусилов, выдающийся российский генерал, в 1911 году получил назначение в Варшаву. Здесь на него произвела странное впечатление варшавская высшая администрация: «везде стояли во главе немцы: генерал-губернатор Скалон, женатый на баронессе Корф, губернатор – ее родственник, барон Корф, помощник генерал-губернатора Эссен, начальник жандармов Утгоф, управляющий конторой государственного банка барон Тизенгаузен, начальник дворцового управления Тиздель, обер-полицмейстер Мейер, президент города Миллер, прокурор палаты Гессен, управляющий контрольной палатой фон Минцлов, вице-губернатор Грессер, прокурор суда Лейвин, штаб-офицеры при губернаторе Эгельстром и Фехтнер, начальник Привисленской железной дороги Гескет и т. д. Букет на подбор. Я был назначен по уходе Гершельмана и был каким-то резким диссонансом: «Брусилов». Зато после меня получил это место барон Рауш фон Траубенберг». Сам генерал-губернатор Привисленского края и одновременно командующий войсками Варшавского военного округа генерал-адъютант Скалон «немец до мозга костей. Соответственны были и все его симпатии. Он считал, что Россия должна быть в неразрывной дружбе с Германией, причем был убежден, она должна командовать Россией». Брусилов заключает: «Я знаю хорошо, что многие из этих людей с немецкими фамилиями были искренними русскими патриотами и честными людьми, но видимость этого подбора смущала многих» [4, с. 46, 47].

Разворачивавшиеся военные события привели к появлению множества публикаций, большей частью популярного характера, направленных на формирование соответствующего имиджа участников конфликта. «Он наш соратник, сподвижник, мы связаны с ним узами крови», – писал К.И. Чуковский на страницах «Нивы» об английском солдате. И наоборот – в отношении Германии и немцев. Противопоставление «германизма» врагов и «гуманизма» союзников стало рефреном множества публикаций. В потоке разоблачений прочно обосновалась тема немецкого засилья в России, потенциального внутреннего предательства со стороны немецкой диаспоры и существования развернутой системы германского шпионажа. В ходе войны стало выясняться, что немецкие владельцы российских промышленных предприятий, во всяком случае некоторые из них, действовали с оглядкой на военные интересы германской армии. Тон антинемецкой кампании задавал Б. Суворин – издатель массовой консервативной газеты «Новое время». В первые месяцы войны его газета ежедневно помещала в среднем по две публикации о немцах, проживающих на территории империи.

Убеждение о немецком засилье приобрело столь широкое распространение, что А.Н. Хвостов в Государственной Думе потребовал создать специальную комиссию для выработки мер по борьбе с ним во всех областях жизни [5, с. 3]. Вне Думы в этих целях было организовано «Общество 1914 года». Оно развернуло активную пропагандистскую и практическую деятельность с целью «защищать родину внутри страны», избавиться от «немецкого засилья в России», потому что «практически немцы приносят нам огромный вред, как активные германские пособники и как шпионы, причем такими шпионами являются не отдельные, небольшие единицы, а почти поголовно все немецкое население» [6, с. 2]. «Мирное завоевание России немцами» – с таким докладом, сразу опубликованным отдельной брошюрой, выступил на чрезвычайном собрании членов «Общества» И.И. Сергеев [7]. Он утверждал, что к началу войны около 70 прибалтийских немцев с дворянскими титулами и российским подданством состояли на военной службе у Германии [7, с. 59–60]. Сотрудник «Нового времени» А.М. Селитренников (псевдоним Андрей Ренников) на страницах брошюры «Золото Рейна» на примере немцев-колонистов юго-запада России аккуратно подводил читателя к мысли, что все они являются агентами Германии [8]. С откровенно националистических позиций выражал надежду на конец немецкого влияния

в России профессор Варшавского университета В.В. Есипов: «Пришел уже конец засилию немцев в России <...> Справилась Россия с алкогольным дурманом, справится и с дурманом немецким» [9, с. 7]. Отказаться от иноземного влияния во всем, переименовать немецкие названия городов, очистить речь от немецких слов – предлагает Есипов на страницах первого выпуска сборника материалов, посвященных вопросу борьбы с т. н. «внутренней Германией». У книги было весьма говорящее название – «Немецкое зло» [10].

В ряду обличительных антинемецких публикаций был и сборник «Наши враги» [11]. На его страницах бывший ректор Варшавского, а затем профессор Казанского и Петербургского университетов П.И. Ковалевский поставил диагноз всей немецкой нации: «Чрезмерная жратва и широкое пьянство создали современного немца, тупого хищника, лжеца и бесстыдного», «поскоблите немца, он и ныне окажется варваром, ... без чести, правды и порядочности» [11, с. 6, 9]. Известный в то время журналист С.Н. Сыромятников (Сигма) утверждал, что после начала войны «ни мы, ни Англия не ищем мирового господства, и честные, и умные люди наших обоих народов найдут возможность размежеваться, когда Европе перестанет угрожать железный кулак германских варваров» [11, с. 61]. А.М. Михайлов констатировал: «Теперь уже не приходится говорить о пресловутой немецкой культурности... Где тут культурность, если люди в отместку за свои неудачи сжигают веками слагавшуюся библиотеку и разрушают дивные памятники искусства и старины?» [11, с. 64].

В разоблачительную кампанию включились военные. Генерал-майор Н.Д. Поливанов истерично утверждал: «Современный немец, где бы он ни проживал – к Востоку или Западу от нашей границы, в одинаковой степени нравственный выродок, дегенерат, физическое существо без моральной подкладки, без чести, благородства и сердца» [6, с. 8]. Поэтому доверять никому нельзя. «Германский шпионаж является всепоглощающей организацией еще мирного времени, во главе которой стоят посольства и все консулы. Взглянув на карту немецкого расселения за последние 45 лет, мы прежде всего увидим, что немцы селятся по известному, строго разработанному военному плану: они окружили вражескими кольцами все наши крепости, заняли важнейшие переправы, усеяли колониями все главнейшие стратегические направления. Уже один только характер расселения сам по себе исключает всякую возможность считать колонистов лояльными, не говоря о вопиющих фактах» [6, с. 2–3].

Не должны были оставить место сомнениям факты о существовании разветвленной немецкой шпионской сети, приводившиеся на страницах книги «Немецкое шпионство» [12]. В ней ее составитель, помощник военного прокурора А.С. Резанов, приводит множество деталей, в том числе по использованию мирного населения в шпионской деятельности, формированию кадров для нее из людей разного социального положения, роли в этом деле немцев-колонистов в России, особенно в Прибалтийском крае. Резанов не оставляет сомнений у читателя в том, что немецкое шпионство и накануне войны «преследовало значительно более широкие цели, выполняя задачи, поставленные не только германским генеральным штабом, но также и министерством иностранных дел. <...> К сожалению, кодекс немецкой морали для многих стал понятен только после того, как разразившаяся война сорвала фиговый листок со всех немецких действий. Правила международной чести немецкие политические и военные деятели считали глупыми предрассудками, удобными лишь для того, чтобы служить маской немецкой официальной подлости» [12, с. 61, 62]. Откуда же берется подобное пренебрежение нормами морали, задается вопросом Резанов. И сам на него отвечает: «Политики, ученые, публицисты, – одним словом, весь лагерь обнаглевших немцев, т.е. добрых $\frac{3}{4}$ современной Германии, считали, скажем недавними словами редактора Zukunft'a Гардена, что немцы – сверхнация, призванная господствовать над всем миром» [12, с. 62–63].

Уже начало войны показало, что немецко-австрийские войска не намерены придерживаться общепризнанных норм морали в отношении мирных граждан, оберегать очаги и памятники мировой культуры, попавшие в зону военных действий. Например, вторгнувшиеся в Бельгию германские солдаты 25–27 августа 1914 года подожгли и превратили в пепел университетский город Лёвен и его знаменитую богатейшую библиотеку, а затем, уже на территории Франции, 20 сентября обстреляли из артиллерии Реймский собор – выдающийся памятник архитектуры и место коронации практически всех французских монархов. Возмущение и осуждение вызывали не только варварские методы ведения войны, но и оправдание их Германией. Даже немецкие ученые в обращении «К культурному миру», подписанном 93 интеллектуалами, пытались защитить милитаризм и обосновать правомерность агрессии: это неправда, что Германия виновница войны, «неправда, будто наши войска безжалостно обрушились на гор. Лёвен», «неправда, будто война ведется нами с нарушением требований международного права» [13, с. 6, 8]. Мир эти оправдания не принял, расценив германских милитаристов как «современных тевтонов с новейшей техникой», «варваров XX века». Поднялся поток возмущений

Популярный плакат в стиле лубочных картинок времен Первой мировой войны, который демонстрирует зверства германцев в отношении мирных граждан

и протестов не только в отношении методов германской армии, но и в связи с позицией немецких интеллектуалов. В России возмущенная реакция была мгновенной [14; 15].

С первых дней войны прессу заполнил поток сообщений о недопустимом в цивилизованном государстве отношении к русским, которых война застала в Германии. Их было много: в 1910 году в Германии проживало 137 697 русских подданных [16, с. 54]. К началу войны их, видимо, было больше, но сколько точно – трудно сказать. Газеты писали, что с началом войны в Германии задержали около 45 тыс. сельскохозяйственных рабочих из России [17, с. 14]. Говорили о нескольких сотнях тысяч русских, оказавшихся на германской территории к моменту объявления войны [18, с. 8], и это близко к истине. По немецким данным, на территории Германии находились около 250 тыс. российских сезонных сельскохозяйственных рабочих. Кроме того, в различных городах Германии, в том числе Берлине, оказалось множество русских, приехавших по делам предпринимательства, на учебу, отдых и курортное лечение. Эти люди относились к российской политической, военной, научной и культурной элите. В Германии накануне войны оказались многие видные сановники, генералы, профессора, адвокаты. Наиболее информированные вовремя уехали. Те, кто недооценил опасность и не успел, уже на третий день войны были задержаны и под контролем властей высланы из страны. Но случилось это не скоро, а путь домой оказался полон унижений и издевательств. К тому же многие мужчины призывного возраста вообще были интернированы и оставались в Германии до конца войны. В многочисленных газетных заметках, журнальных публикациях и брошюрах приводились рассказы очевидцев о злоключениях интернированных представителей разных социальных слоев и профессиональных групп, в том числе деятелей науки и культуры. М.А. Берг, составитель брошюры «Варварства германцев», ставшей доступной читателям уже 8 августа 1914 года, привел свидетельства о злоключениях русских, вынужденных на территории Германии претерпевать издевательства и насилие, а подчас и быть жертвами убийств, совершенных не только обывателями, но даже солдатами и офицерами [19]. В.В. Быховский собрал под одной обложкой сборника «Немецкие зверства» материалы «о мучениях, испытанных русскими в Германии после объявления ею войны». Их он почерпнул со страниц газет «Новое Время», «Московский Курьер», «Утро России», «Речь», «Голос Москвы», «Московский Листок», «Русское Слово», «День», «Утро России», «Раннее Утро», «Русские Ведомости» [20]. На основе газетных материалов вышла «Черная книга германских зверств» [21]. О злоключениях русских рассказывали и другие издания.

Эмоциональное изложение событий, характерное для этих публикаций, не может быть основанием для игнорирования содержащейся в них информации. Факты сообщались очевидцами, а их было так много, что исключается

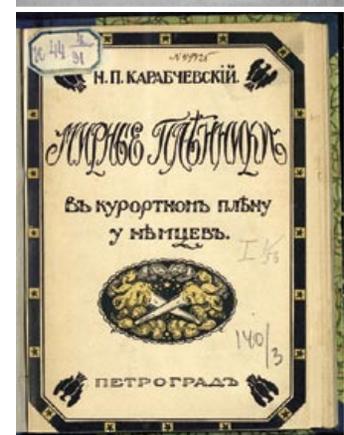
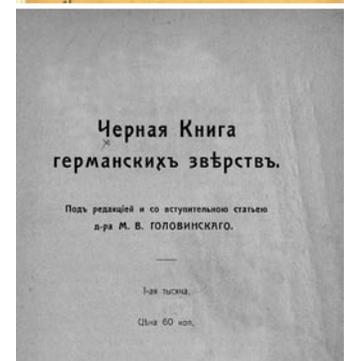
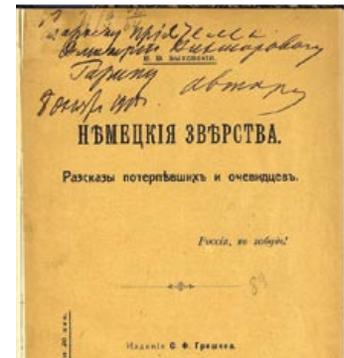
сама мысль о возможной фальсификации. Вышли не только пересказы свидетельств очевидцев, но и собственноручно написанные воспоминания участников событий, объединенные под одной обложкой сборника «В немецком плену» [22]. Чтобы составить представление о книге, два фрагмента из нее.

Профессор Московского университета И.М. Гольдштейн был задержан при попытке уехать из Германии и почти два месяца провел в плену в Росток: «Нас поместили в комнате размером 6х9 аршин. Здесь спали на соломе вповалку 38 человек. Спали вместе мужчины, женщины, дети, здоровые и больные. Все было грязно и отвратительно. Жалобы имели своим единственным последствием грубую ругань. При этом немцы неизменно добавляли: „Русские свиньи привыкли к грязи у себя дома“. Эти свиньи были: русские врачи, профессора, сановники в чине тайного советника и т.д. <...> Больше всего меня возмущали издевательства немцев, которые развлекались тем, что на глазах толпы русских делали театральные приготовления к расстрелу. Раздавали солдатам боевые патроны, выкатывали пушку, выносили траурные катаfalки и т.п. Конечно, с дамами делались истерики, да и мужчины чувствовали себя не очень хорошо» [22, с. 62–63].

Подобными фактами изобилуют и воспоминания других участников эвакуации из Германии. Н.П. Карабчевский, выдающийся адвокат, председатель Петербургского совета присяжных поверенных, опубликовал свои личные впечатления («Мирные пленники: В курортном плену у немцев») о вынужденном пребывании в стране, с началом войны ставшей враждебной [18]. Его первым шоком стало внезапное осознание краха, казалось бы незыблемой формулы: право выше силы. «Пока многие годы мы дивились показной германской культуре, пока систематически заполняли все его курорты и самые нехитрые неудобные закоулки, немцы аккуратно, настойчиво, с лакейской обстоятельностью грабили нас на многие миллионы... На своих „курортных гостей“ немцы так и смотрели: варвары ежегодно несут установленную дань германской культуре» [18, с. 8]. С началом войны все изменилось: «курортные гости» превратились в «цивильных пленных». Соответственно стало иным и отношение к русским: из предупредительного до угодничества моментально трансформировалось в оскорбительное, унижающее человеческое достоинство, сопровождаемое психологическим и физическим насилием, необоснованными обвинениями в шпионаже и арестами. В ответ на столь явственную перемену в поведении немцев С.Д. Толь, супруга члена Государственного Совета и обер-егермейстера Высочайшего Двора С.А. Толя, издает книгу с говорящим названием «Причины и последствия осатанения немцев» [23].

Если злоключения выезжавших из воюющей Германии ограничивались «всего лишь» унижением, издевательствами и побоями, то судьба населения оккупированных немецкой армией территорий была незавидной. Огромный резонанс получила трагедия польского города Калиш. Буковинский, президент г. Калиша, центра Калишской губернии Царства Польского, рассказал о гибели города и его жителей. Тотчас после захвата города последовал приказ: «Доставить для 820 человек продовольствие, состоящее из кофе, мяса и хлеба». Это было только начало: «Число погибших невинных жителей трудно определить, так как сотни убитых сами пруссаки закапывали без малейшего содействия и без присутствия кого-либо из местных жителей. Но число это можно определить не менее как в 4000 жертв. Убивали целые семьи, не щадили ни маленьких детей, ни женщин. В одном лишь доме Щетинского перебили больше 40 людей» [22, с. 118, 122, 124].

Названные и другие подобные им публикации развенчивали германофильство у тех, кто еще его сохранял. Такую же роль играли рассказы солдат, офицеров, врачей,

«Немецкие зверства» – лубок времен Первой мировой войны

сестер милосердия, переживших германский или австрийский плен. Военный врач М.П. Базилевич собрал и письменными показаниями очевидцев закрепил бесчисленные случаи нарушения международных норм содержания военнопленных. Лично пережитое в лагере и показания еще 110 военных врачей, оказавшихся в таком же положении, и составили содержание книги о жизни русских солдат и офицеров в плену. Базилевич пишет: «То, что мы увидели, то, что нам пришлось переживать, свидетелями каких страданий и унижений человеческого достоинства нам пришлось быть в долгие годы плена, живя в различных солдатских лагерях и рабочих командах, рассеянных по всей Германии, превосходило не только всякую смелую, но просто больную фантазию». И далее следуют более 200 страниц показаний, лично написанных военнопленными. В них свидетельства ужасающих условий содержания, следствием чего стала массовая гибель от голода, эпидемий, истязаний и непосильного труда. По подсчетам Базилевича, в лагерях число умерших «уже теперь нужно исчислять не менее как в 400000 человек» [24, с. 3–4]. Надо сказать, опубликованные по горячим следам рассказы военнопленных многочисленны, и все они отличаются лишь местом действия, но ни одно не свидетельствует о цивилизованном отношении в лагерях к солдатам и офицерам русской армии.

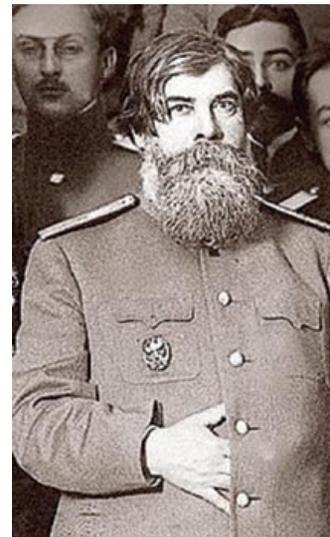
Общественности быстро становилось известно о преступлениях германских войск на оккупированных территориях. К сбору информации о них и обнародованию ее подключились правительственные учреждения России и Франции. В обеих странах были созданы комиссии для расследования нарушений законов и обычаев ведения войны войсками противника. Документы французской комиссии, расследовавшей преступления германской армии на территории занятых департаментов Франции, были переведены на русский язык и опубликованы в 1915 году [25]. То, что нашли местные жители после ухода немецких войск, отброшенных на сотню километров после битвы на Марне, «представляло собой картину такого опустошения и носило следы таких зверств, подобно коим нельзя найти на протяжении всей современной истории; когда же к этим немим свидетелям присоединились голоса пришедших в себя невольных очевидцев всего здесь происходившего под гнетом „культурных“ германцев, то из всего этого получилась такая, поистине ужасающая картина, которой до сих пор не могло, отказывалось допустить самое смелое, даже самое разнузданное воображение» [25, с. 5].

Российская Чрезвычайная следственная комиссия, состав которой назначался императором, выпустила два тома документов о преступлениях немецких, австрийских, турецких и болгарских войск на оккупированных территориях, совершенных в апреле – декабре 1915 года [26]. К ним добавился еще один сборник показаний, выпущенный в 1917 году [27]. Свидетели рассказывали о грабежах, о принудительном труде, об изощренных наказаниях, отравле собаками

и расстрелах, об особо жестоком обращении с казаками. Среди документов встречаем и такой: «В последних числах декабря 1915 г. партия находившихся в г. Вильно русских пленных солдат, численностью до 300 человек, была отправлена к железнодорожной станции на р. Вилейке для разборки железнодорожного моста, взорванного русскими при отступлении. По прибытии на место работ оказалось, что под уцелевшей частью моста заложена невзорвавшаяся мина. В виду очевидной опасности от могущего ежеминутно произойти взрыва, пленные отказались приступить к работе. По распоряжению коменданта гор. Вильно всех пленных заперли тогда в станционный пакгауз, и последний был подожжен, причем пленным было объявлено, что они будут выпущены из горящего здания лишь тогда, когда выразят согласие подчиниться распоряжению и станут на работу. <...> Видя неминуемую гибель, пленные вынуждены были сдать-ся и выразили согласие приступить к опасной работе. ... произошла давка, и около 50 человек, не успевших выскочить из объятых пламенем пакгауза, погибли, а около пятнадцати человек получили более или менее опасные ожоги. Погибшие были тут же наскоро преданы земле, а спасшиеся на следующий день приступили к разборке моста. Во время работ действительно произошел взрыв и пятнадцать русских воинов увеличило собою общее число жертв германского варварства» [26, с. 22–23]. Действия немецких солдат на занятых территориях активно способствовали трансформации образа Германии и немцев в варвара XX века.

Столь драматическое перевоплощение культурных немцев заставило подключиться к оценкам поступков Вильгельма II и его подданных даже знаменитого психиатра, академика В.М. Бехтерева. На страницах популярной брошюры «Вильгельм – дегенерат неронового типа» [28] он характеризует императора как человека с признаками психического вырождения, и в этом отношении сравнивает его с римским императором Нероном, который отличался таким же психологическим типом, с пониженным уровнем нравственного чувства. При этом утверждения о психической ненормальности императора неосновательны. Ни сам император не был сумасшедшим, ни германский народ не был подвержен массовому психозу, как об этом говорят. В его деятельности в концентрированном виде проявилась идеология милитаризма, что в полной мере соответствовало последовательно выраженному в течение нескольких десятков лет стремлению к мировому господству [28, с. 7, 8–9]. Но это, замечает Бехтерев, систематическая работа германского ума, а не проявления сумасшествия, поэтому он «не может подлежать освобождению от ответственности за свои поступки и действия ни перед современниками, ни перед историей, и вместе с теми слоями германского общества, которые его поддерживают, должен нести на себе всю тяжесть моральной ответственности, за все те бедствия, которые он причинил своей стране воюющим с ней народам» [28, с. 43].

Тем не менее оставление огромной территории, большие потери, беженство и страдания мирных жителей, растянувшаяся на два с половиной года позиционная война привели к трансформации настроений в российском обществе и особенно в армии. Поток антинемецких публикаций стал угасать. На смену образа алчного, циничного варвара пришел другой образ немца – простого германского солдата, который много месяцев сидел напротив русского солдата в окопах, растянувшихся по линии Рига – Двинск – Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск – Дубно – Тарнополь. Этот немец, хоть и по-прежнему враг, но также уставший от войны и мечтавший о возвращении домой: «Немцы-германцы каждую ночь идут до нас в окопы в плен. Их офицеры бьют за то, что они переходят, а они говорят, что у них хлеба нет. И как они придут, то наши солдаты их накормят и напоят и обратно отправляют, а они говорят так, что нам всё равно помирать что тут, что там. Что хотите с нами делайте, а мы не

Владимир Михайлович Бехтерев. 1912 год

пойдём назад, лучше мы будем у вас помирать, а назад не пойдём», – рассказывал в 1917 году русский солдат в письме домой [29]. В таких условиях патриотический пафос борьбы за культуру в союзе с демократическими нациями против «современных тевтонов с новейшей техникой», «варваров XX века» начал уступать место другому призыву – закончить войну, бороться с теми силами внутри страны, которые развязали кровавую бойню.

Фото из открытых источников

Статья поступила в редакцию 25.08.2021 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Статистический ежегодник России. 1913 г. (год десятилетия) / Центральный статистический комитет МВД. – СПб.: Изд. ЦСК, 1914. – 333 с.
2. Иоффе, Я.А. Блокада и народное хозяйство в мировую войну / Я.А. Иоффе. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. – 224 с.
3. Памятная книжка Императорской Академии наук на 1914 год. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1914. – 245 с.
4. Брусилов, А.А. Мои воспоминания / А.А. Брусилов. – М.; Л.: Госиздат, 1929. – 249 с.
5. Борьба с немецким засильем: речь члена Государственной Думы А.Н. Хвостова в заседании 3 августа 1915 г. – Пг.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1915. – 32 с.
6. Поливанов, Н. О немецком засильи / Н. Поливанов. – Изд. 2-е – Пг.: Общество 1914 года, 1916. – 8 с.
7. Сергеев, И.И. Мирное завоевание России немцами: доклад, прочитанный в чрезвычайном общем собрании членов «Общества 1914 года» 13 марта 1915 г. / И.И. Сергеев. – Пг.: Общество 1914 года, 1915. – 68 с.
8. Ренников, А. (Селитренников, А.М.) Золото Рейна: О немцах в России / А. Ренников. – Пг.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1915. – 396 с.
9. Есипов, В.В. Германцы. I, II. Жестокий народ. Жестокое право / В.В. Есипов. – Варшава: Варш. учеб. окр., 1915. – 48 с.
10. Есипов, В.В. Славяне и немцы / В.В. Есипов // «Немецкое зло»: сб. статей, посвященных вопросу о борьбе с нашей «внутренней Германией». – М.: А.И. Мамонтов, 1915–1917. – Вып. 1. – С. 21.
11. Ковалевский, П.И. Наши враги: очерки / П.И. Ковалевский, С.Н. Сыромятников (Сигма), А.М. Михайлов. – Пг.: Содружество, 1915. – 72 с.
12. Резанов, А.С. Немецкое шпионство: (Кн. сост. по данным судеб. практики и др. источникам) / А.С. Резанов. – Пг.: М.А. Суворин, 1915. – 336 с.
13. Воззвание 93-х представителей к цивилизованному миру // Оправдание представителями германской интеллигенции нынешней войны и способа ее ведения Германией и Австро-Венгрией и Отповедь представителей интеллигенции во Франции, Англии и России. – Пг.: С.К. Пентковский, 1915. – С. 6–13.
14. Ответ германским ученым // День. – 1914. – 21 декабря, № 347 (789). – С. 3.
15. Ответ профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира на «Обращение к цивилизованным нациям», опубликованное 93 германскими учеными и писателями по поводу настоящей войны. – Киев, 1915.
16. Карманная энциклопедия войны 1914 года. – Пг., 1914. – 158 с.
17. Милютин, В.П. О влиянии войны на состояние рабочих сил в России / В.П. Милютин. – М.: Тип. О.Л. Сомовой, 1914. – 28 с.
18. Карабчевский, Н.П. Мирные пленники: В курортном плену у немцев: Впечатления и наблюдения / Н.П. Карабчевский. – Пг.: Тип. т-ва Екатеринбург. печ. дело, 1915. – 132 с.
19. Варварства германцев / Сост. М.А. Берг. – СПб.: Тип. Н.Л. Ныркина, 1914. – 25 с.
20. Быховский, В.В. Немецкие зверства: рассказы потерпевших и очевидцев / В.В. Быховский. – М.: С.Ф. Гришин, 1914. – 108 с.
21. Черная книга германских зверств / Под ред. и со вступ. статьей д-ра М.В. Головинского. – СПб.: Орбита, 1914. – 56 с.
22. В немецком плену: рассказы / Н. Кареев [и др.]. – М.: Наши дни, 1915. – 184 с.
23. Толь, С.Д. Причины и последствия осатанения немцев: историческая справка / С.Д. Толь. – Пг.: Тип. ред. период. изд. М-ва фин., 1916. – 160 с.
24. Базилевич, М.П. Положение русских пленных в Германии и отношение германцев к населению занятых ими областей Царства Польского и Литвы: (материалы, собранные М.П. Базилевичем в плену и среди 110 вернувшихся из плена русских врачей) / М.П. Базилевич. – Пг.: Тип. т-ва Суворина «Новое время», 1917. – 208 с.
25. Организованные преступления германской армии / Полный пер. с фр. Н.М. Лагова. – Пг.: В.А. Березовский, 1915. – 103 с.
26. «Наши враги»: Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии: в 2 т. / Чрезв. следственная комис. – Пг.: Сенатская типография, 1916. – Т. 1: С 29 апреля 1915 года по 1 января 1916 года. – 503 с.
27. Наши военнопленные в Германии и Австро-Венгрии: (По доп. сведениям) / Чрезв. следственная комис. – Пг.: Сенат. тип., 1917. – 49 с.
28. Бехтерев, В.М. Вильгельм – дегенерат нероновокого типа / В.М. Бехтерев. – М.: Наша жизнь, 1916. – 45 с.
29. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 84.